

Чавкина Марина Александровна

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ В ГОДЫ НЭПА (НА ПРИМЕРЕ БАССР)

Статья раскрывает различные проявления социальной девиации рабочих БАССР в годы нэпа. На основании опубликованных и архивных источников выделяются следующие "социальные болезни": пьянство, самогоноварение, прогулы, "бюллетенщики", "шабашки", хулиганство. Дается характеристика каждой из названных проблем и анализируются те меры, которые принимали власти республики для их решения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 215-218. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. Терпигорев С. Н. С простым взглядом. М.: Правда, 1990. 480 с.
7. Тургенев И. С. Записки охотника // Тургенев И. С. Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1961. Т. 1. 308 с.
8. Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Художественная литература, 1954. Т. 3. 410 с.
9. Тургенев И. С. Рудин. Дым. Новь. М.: Правда, 1979. 608 с.
10. Фаресов А. И. Мои мужики. Очерки и рассказы. СПб.: Тип. В. Ф. Воишинской, 1900. 392 с.
11. Цинцадзе Н. С. Взгляды В. В. Докучаева на экологические аспекты аграрного развития Европейской части России во второй половине XIX - начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11). Ч. 4. С. 201-203.
12. Цинцадзе Н. С. Демографические и экологические особенности развития центрально-земледельческой пореформенной деревни в письмах современников второй половины XIX века // Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования: сб. науч. тр. IX междунар. науч.-практич. конф. (28 февр. 2011 г.) / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. С. 31-34.
13. Цинцадзе Н. С. Законодательное обсуждение демографических и экологических аспектов аграрного кризиса в России на заседаниях Государственных Дум начала XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 5 (109). С. 333-338.
14. Цинцадзе Н. С. Особенности экологических и демографических проявлений аграрного кризиса в черноземных и нечерноземных губерниях Европейской России в восприятии современников: сравнительный анализ по материалам российской публицистики второй половины XIX века // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 353-363.
15. Цинцадзе Н. С. Природоресурсные и природоохранные аспекты аграрной политики Российского государства в 1890-1910-е гг. (на примере Тамбовской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12). Ч. 1. С. 213-215.
16. Эртель А. И. Волхонская барышня: повести. М.: Современник, 1984. 495 с.
17. Эртель А. И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги: роман. М.: Правда, 1988. 560 с.
18. Эртель А. И. Записки Степняка. Избранные рассказы и очерки. Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1949. 262 с.
19. Эртель А. И. Записки Степняка. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 610 с.
20. Эртель А. И. Повести, рассказы. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1984. 318 с.

**REFLECTION OF DEMOGRAPHIC AND ECOLOGICAL FEATURES
OF PRE-REFORM AND POST-REFORM RUSSIAN PROVINCE DEVELOPMENT
ON ARTISTIC WORKS PAGES OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY**

Nina Sergeevna Tsintsadze, Ph. D. in History
Department of Civil and Entrepreneurial Law
Institute of Law
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
NinaTsintsadze2010@yandex.ru

The author considers the social-natural aspects of Russian village development before and after the peasant reform implementation in 1861 as reflected in Russian literature artistic works of the XIXth – the beginning of the XXth century, and emphasizes the high degree of creative intelligentsia concern about the negative demographic and ecological consequences of the agrarian modernization of the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century that led to severe agricultural crisis.

Key words and phrases: agrarian society; agrarian crisis; demographic-ecological crisis; Russian province; imaginative literature; post-reform village; peasant reform of 1861.

УДК 94(47).084.5

Исторические науки и археология

Статья раскрывает различные проявления социальной девиации рабочих БАССР в годы нэпа. На основании опубликованных и архивных источников выделяются следующие «социальные болезни»: пьянство, самогонварение, прогулы, «бюллетенички», «шабашики», хулиганство. Дается характеристика каждой из названных проблем и анализируются те меры, которые принимали власти республики для их решения.

Ключевые слова и фразы: новая экономическая политика; БАССР; социальная девиация; пьянство; самогонварение; прогулы; бюллетенички; шабашки; хулиганство.

Марина Александровна Чавкина

Кафедра истории Отечества и методики преподавания истории
Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишиевой
chavkina.sgpa@gmail.com

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ В ГОДЫ НЭПА (НА ПРИМЕРЕ БАССР)[©]

Одной из характерных черт современной историографии, в том числе и российской, является повышенный интерес к истории повседневности, в центре внимания которой стоит человек. Повседневность, следуя

большинству определений в современной науке, есть такая форма жизни, главная направленность которой заключается в сохранении и воспроизводстве жизни индивида и общества. Ее можно считать одной из составных частей более общего понятия «жизненный мир».

История повседневности начала разрабатываться еще в начале XX века, в частности, голландский историк Й. Хёйзинга [16] и основатели «Новой исторической науки» Л. Февр и М. Блок обратились в своих работах к изучению ментальных структур повседневности [1; 15]. Данное направление становится популярным во многих европейских странах с начала 60-х годов и до новейшего времени.

Известный исследователь В. Д. Лелеко отмечает, что на современном этапе изучения повседневности можно выделить следующие ее особенности: 1) стремление связать повседневность как микроисторический уровень жизни с макроисторией (экономикой, политикой, уровнем развития техники и т.д.), показать их взаимодействие; 2) отказ от самоценного бытописательства, обращение к ментальному уровню повседневной жизни, к идеалам, стереотипам сознания, ценностным ориентациям; 3) раскрытие культурных смыслов бытовых вещей, одежды, форм и формул поведения, общения [12, с. 17].

Изучение истории повседневности является одним из самых перспективных направлений, региональные исследователи все чаще обращаются к изучению микроистории различных групп общества. Не стала исключением и история БАССР. На наш взгляд, особенно актуальным является изучение повседневности рабочих БАССР в период нэпа. Данный временной отрезок является одним из интереснейших с точки зрения разнообразия процессов, происходивших во всех сферах жизни общества. Во многих исследованиях это время в истории Отечества названо переходным. «Переход» осуществлялся из условий войны в условия мира, а также из России царской в Россию советскую. Он сопровождался внедрением новых принципов построения бытия и перестройки жизненного пространства, что должно было непосредственно сказаться на повседневном существовании людей в целом и быте в частности. Рассмотрение общероссийских процессов через призму истории повседневности конкретного региона позволяет отразить разнообразие социального развития, пополнить историческую науку новыми конкретными фактами и материалами. Также актуальность обусловлена и спецификой развития Башкортостана в годы нэпа, которая определялась географическими, хозяйственными, национальными, политическими особенностями.

К началу нэпа Башкирия, как и вся страна, находилась в сложном экономическом положении, что являлось последствием катаклизмов второго десятилетия XX века. Промышленность и сельское хозяйство находились в упадке. Ситуация в республике осложнялась голодом, постигшим ее в 1921–1922 гг. Лишь после относительно благополучного урожая 1922 года ситуация в Башкирии стала стабилизироваться, что позволило местным властям, до того занятым исключительно проблемами ослабления и преодоления голода, перейти к систематической работе.

Важным аспектом изучения истории повседневности является изучение социальной девиации среди рабочих. Это объясняется тем, что период нэпа, и предшествующее ему десятилетие характеризуются крушением традиционных социальных систем и духовно-нравственных основ. Резкий переход социальной системы из одного качества в другое влечет за собой, как правило, целый ряд девиаций.

Среди основных аномалий социальной жизни рабочих в крае можно выделить: пьянство и самогоноварение, прогулы, появление «бюллетенщиков», «шабашки», хулиганство и рост уголовных преступлений.

Одной из самых больших проблем повседневной жизни рабочих в Башреспублике было пьянство. Большинство средств массовой информации периода нэпа отмечают повальное пьянство и самогоноварение среди рабочих: «Получивши жалование, рабочий напивается до бессознания» [9], «на Зиновьевском государственном стекольном заводе Башпрома вся администрация спивается до потери сознания. Не отстают и рабочие» [3]. Как отмечает Н. Б. Лебина, «с окончанием гражданской войны в среде фабрично-заводских рабочих возродились забытые в период военного коммунизма обычаи бытового пьянства: традиция “первой полочки”, с которой необходимо было напоить коллег по работе, “обмывание нового сверла”, “спрыскивания блузы»» [11, с. 115]. Массовое пьянство становилось не только времяпрепровождением, но и образом жизни. По официальным сводкам Башглавмилиции, только за октябрь 1923 года было изъято 534 ведра суррогата спирта (ведро – 12,2994 литра) и отобрано 184 самогонных аппарата [20, д. 24, л. 41]. Наибольшее количество рабочих, изготавливавших самогон, по официальным данным, приходилось на Бирский и Белебеевский кантоны (по 20%) [Там же, д. 234, л. 2]. Как правило, тайным винокурением занимались для собственного употребления, а не на продажу.

Борясь с этой социальной проблемой, государство распространяло среди рабочих специальные пособия о вреде пьянства. Так, в работах Н. А. Семашко, известного в годы нэпа автора различных брошюр о новом быте рабочих, отмечалось: «Алкоголизм остается черным пятном в рабочем быту. Целые века цари спаивали русских крестьян и рабочих. Но теперь все усилия направлены на то, чтобы поднять народное сознание. Теперь не должно быть почвы для пьянки, а между тем нам пришлось разрешить продажу водки, чтобы вытеснить более опасного врага – самогон. Так еще прочны корни прошлого» [14, с. 18-19].

В борьбе с самогоноварением государство проводило несколько линий: «экономическую (увеличение производства и продажи государством алкоголя и установление доступных для населения цен на спиртные напитки), партийно-просветительскую (поднятие культурного уровня, усиление правильного уровня духовных запросов) и репрессивную (система штрафов, принудительные работы, тюремное заключение, высылка в отдаленные местности)» [17, д. 60а, л. 6]. Важную роль в борьбе с пьянством играла партия. Рабочие – члены РКП(б), пойманные в пьяном виде, исключались из рядов партии. Так, за пьянство в 1922 году из

РКП(б) было исключено 36 человек [19, д. 204, л. 15]. Периодически на заводах проводились кампании, в течение которых рабочим предлагалось сдать все самогонные аппараты, однако эти меры не приносили результатов. Во многом это было связано с тем, что параллельно с борьбой с пьянством и самогонованием правительство проводило политику по расширению производства и продажи спиртных напитков, так как водка должна была стать важнейшим источником государственных накоплений, существенной доходной частью госбюджета. В январе 1925 года власти приступили к широкой продаже 30-градусной водки, а с октября – 40-градусной [13, с. 94].

Для борьбы с тайным винокурением государство разработало целый комплекс мер, которые, к сожалению, не отличались продуманностью, последовательностью и настойчивостью. Введенная государством в 1925 г. в свободную продажу «казенка» не смогла стать серьезным конкурентом самогону. В результате к концу 1920-х гг., несмотря на проведенные антиалкогольные кампании, культпоходы, усиливалась алкоголизация рабочих. За 1926-1927 годы в СССР было выпито 31,5 млн ведер водки и 32 млн ведер пива, а в Башкирии, в частности, за 1927-1928 годы было пропито 12,5 млн рублей, в то время как за этот же год бюджет Наркомпроса составил 8 млн 250 тыс. рублей [18, д. 115, л. 28]. Как и многие процессы 20-х годов, борьба с пьянством носила откровенно кампанейский характер, а те, кто агитировал и призывал рабочих бросить пить, должны были стать эталоном трезвости, нередко сами были замечены в употреблении спиртных напитков.

Вслед за пьянством проявлялась и следующая проблема – прогулы. Рабочие, злоупотреблявшие спиртными напитками, на утро были не в состоянии работать. Так, в 1924 году на Зиновьевском стеклозаводе за «январь, февраль, март, апрель прогуляли 744 дня, а в уфимских железнодорожных мастерских в дни Рождества по старому стилю не вышло 220 человек, то есть более 10% всех рабочих» [6]. В связи с этой проблемой особую актуальность приобретает появление так называемых «бюллетенщиков». Рабочие в надежде получить бюллетень – больничный лист – симулировали различные заболевания, а подчас и умышленно причиняли себе вред. Нередко на страницах газет можно было встретить стихотворения следующего содержания:

«С подбитым глазом, носом алым
А то схватившись за живот
Он вечно кажется усталым
И волком смотрит на завод...
Болит живот и спину ломит...
Рука не сладит с молотком...
Толчется чаще он в завкоме,
Чем в производстве за станком
Он враг труда и дисциплины
Ему и думать даже лень
И... не корми его малиной
Лишь дай заветный бюллетень» [7].

Власть также пыталась строго вести борьбу с прогулами, вплоть до увольнения, однако существенного воздействия эти меры не оказали.

В годы нэпа среди рабочих Башкортостана по-прежнему сохранялся обычай «шабашки». Возглас «Шабаш!» до революции служил сигналом к концу работы. Традиция «шабашки» имела большую давность и психологическое обоснование: в дореволюционное время при работах у хозяина или подрядчика плотнику или столяру разрешалось ежедневно по окончании работ «милостиво брать обрубок дерева стоимостью 2-3 копейки. Шабашки по настоящее время считают возможным нести многие железнодорожники (рабочие железнодорожных мастерских в Уфе)» [2]. При этом «шабашки» несли открыто и показывали, что это допустимо и это не кража. Власть всячески боролась с подобным поведением, увольняли виновных. С теми, кто нес «шабашки», проводили беседы и агитации, устраивали показательные процессы. Так, 12 ноября 1924 года на Троицкой фабрике был устроен показательный политсуд над «расхитителями народного достояния» [Там же]. Однако, несмотря на все предпринимаемые меры, данная традиция продолжала существовать на протяжении всего периода нэпа.

С переходом к мирной жизни, со смягчением правительственного курса начинается рост хулиганства и уголовных преступлений. Эта тенденция отмечалась и в средствах массовой информации республики. В самой массовой республиканской газете «Красная Башкирия» даже существовала специальная рубрика, посвященная происшествиям разного рода. Как отмечалось, больше всего среди хулиганов было выходцев из рабочей среды – 685 человек за 9 месяцев 1925 года [8]. Как правило, это были молодые люди, у которых в условиях нэпа проявилась своего рода тоска по временам продотрядов. Зачастую их невостребованная энергия проявлялась в хулиганских выходках. Кроме этого, можно добавить такие факторы, как низкая культура, классовые амбиции, подогреваемые сверху, скученность и необустроенность быта, неумение организовать свой досуг [5, с. 80]. Очень часто хулиганские выходки и преступления совершались рабочими в состоянии алкогольного опьянения, что объясняло всю сложность борьбы с этим проявлением асоциального поведения.

Например, на Зиновьевском государственном стекольном заводе Башпрома был случай, когда в один из воскресных дней декабря в клубе завода шел спектакль, во время которого «резчик Мальцов, пьяный, с гиком и матерщиной, на лошади, запряженной в розвальни, хотел въехать в помещение клуба, но розвальни застряли в дверях. Мальцов распряг лошадь и верхом въехал в помещение» [3]. Основными

методами со стороны властей были разъяснительные беседы, распространение специальной литературы, а в крайних случаях и реальные сроки.

Таким образом, из всего многообразия сюжетов девиантного поведения с негативным содержанием, нашедших свое распространение в годы новой экономической политики среди рабочих БАССР, наибольшее распространение получили: пьянство и связанное с ним самогонование, прогулы, «бюллетенщики» и «шабашки», хулиганство. Первая мировая война, революционные бури 1917 г., гражданская война, страшный голод 1921–1922 гг. унесли миллионы жизней. Многовековая традиционная система ценностей была объявлена большевиками пережитком старого строя. Пропаганда атеизма, разрушение семейно-брачных отношений, тюремные рамки коммунальности, низкий уровень жизни – все это привело к социально-психологической дезориентации большинства населения России, к смещению понятий «норма – отклонение», человеческая жизнь ничего не стоила. Затянувшийся системный кризис привел к небывалому росту проявлений девиантного поведения с негативным содержанием. Как отмечает Н. Б. Лебина, введение нэпа ознаменовало возрождение привычных бытовых практик, а с ним и возможное восстановление ранее существовавших норм, однако новая государственность не считала возможным поддерживать этот процесс [10, с. 296].

Таким образом, не только тяжелые социально-экономические условия, разрушение традиционных морально-нравственных ценностных ориентиров, но и противоречивая, двойственная политика партии и правительства в 20-е гг. XX века привели к росту девиантного поведения с негативным содержанием и в БАССР, и по всей стране.

Список литературы

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко. М.: Наука, 1973. 233 с.
2. Власть труда. 1922. 25 октября.
3. Власть труда. 1924. 10 января.
4. Дик А. А. Девиантное поведение сельской молодежи в Тамбовской губернии 1920-х гг.: причины и особенности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 58–61.
5. Заринова Р. К. Сельское население в эпоху модернизации: на материалах РБ в годы нэпа. Уфа: Восточный ун-т, 2003. 92 с.
6. Красная Башкирия. 1925. 19 января.
7. Красная Башкирия. 1925. 10 февраля.
8. Красная Башкирия. 1925. 7 июля.
9. Красная Башкирия. 1926. 12 марта.
10. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. 320 с.
11. Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Булавин, 2003. 340 с.
12. Лелеко В. Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа: дисс. ... д-ра культурологии. СПб., 2002. 321 с.
13. Лютов Л. Власть и общество в годы нэпа через призму настроений провинции (на материалах Симбирско-Ульяновского Поволжья). Ульяновск: Издатель А. В. Качалин, 2010. 448 с.
14. Семашко Н. А. О светлом и темном в рабочем быту. М.: Государственное издательство, 1928. 24 с.
15. Февр Л. Бои за историю / пер. А. А. Бобовича, Ю. Н. Стефанова. М.: Наука, 1991. 635 с.
16. Хейзинга Й. Осень Средневековья [Электронный ресурс]. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Huiz/ (дата обращения: 24.05.2012).
17. Центральный государственный архив общественных организаций Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 122. Оп. 2.
18. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 7.
19. ЦГАОО РБ. Ф. 365. Оп. 1.
20. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. Р-1252. Оп. 1.

DEVIAANT BEHAVIOUR IN WORKING ENVIRONMENT DURING NEP (BY THE EXAMPLE OF THE BASSR)

Marina Aleksandrovna Chavkina

*Department of Native History and History Teaching Technique
Sterlitamak State Pedagogical Academy named after Zainab Biisheva
chavkina.sgpa@gmail.com*

The author considers the various manifestations of the social deviance of the BASSR workers during New Economic Policy (NEP), basing on published materials and archival sources reveals the following “social diseases”: drunkenness, moonshining, absenteeism, being on sick leave, stealing in a small way, hooliganism; gives the characteristics of each of these problems, and analyzes those measures that the republic authorities undertook for their solution.

Key words and phrases: New Economic Policy; the BASSR; social deviance; drunkenness; moonshining; absenteeism; being on sick leave; stealing in a small way; hooliganism.